Мария Константинова

Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий

Статья посвящена анализу парадокса, возникшего в российской теоретической социологии вследствие рецепции акторно-сетевой теории и развития социологии вещей. С одной стороны, теоретики «поворота к материальному» провозглашают отказ от метафорического способа мышления в пользу метонимического. С другой – демонстрируют все признаки технофобии, желание освободить исследования материальности от гнета социологии технологий. В статье показано, что этот парадокс возникает из-за неверной трактовки метонимии и метонимического способа мышления представителями теоретического лагеря в социологии вещей (А. Ф. Филиппов, В. С. Вахштайн и др.).

Ключевые слова: Ф. Анкерсмит, Б. Латур, социология вещей, STS, техноцентризм, технофобия, метафора, метонимия, В. Вахштайн, А. Филиппов

Maria Konstantinova
Metonymical Turn. Sociology of Things Vs Sociology of Technologies

Recent trends in Russian theoretical sociology (due to omnivorous reception of actor-network theory) discovered a very peculiar paradox. On one side, proponents of «material turn» manifested an open denial of metaphorical way of conceptualization in favor of a metonymical one. On another side they openly demonstrate all symptoms of technophobia and wish to free materiality studies from sociology of technology. We will show that it is happening due to misunderstanding of metonymy by theoretical sociologists working in the field of sociology of things (Alexander Filippov, Victor Vakhshtayn etc.)

Keywords: F. Ankersmit, B. Latour, sociology of things, STS, technocentrism, technophobia, metaphor, metonymy, V. Vakhshtayn, A. Filippov

---

Константинова Мария Владиславовна — Дальневосточный федеральный университет, аспирант. Независимый исследователь. Email: constamare@gmail.com.
Konstantinova Maria Vladislavovna — Far Eastern Federal University, graduate student. Independent researcher. Research interests: sociology of things, actor-network theory, phenomenology, ontological turn in social sciences. Email: constamare@gmail.com.
Текст написан в рамках подготовки научно-исследовательской работы «Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования» (ЦСИ РАНХиГС, Госзадание, 2015).

В последние годы в российской социальной науке обострилось противостояние двух эпистемических моделей. Одна из них называет себя «текстоцентричной» или «концепт-центричной» исследовательской моделью, но противники чаще именуют ее «книжной» или «бумажной» социологией. Вторая модель называет себя «радикальным эмпиризмом» или «этнографической социологией», а представители противоположного лагеря для ее именования используют ярлык «социология жизни» или «журналистская наука». Различия между ними могут быть суммированы следующим образом.

1. «Бумажные» социологи постоянно подчеркивают необходимость работы с понятиями, прояснения аксиоматических оснований и рефлексии собственного «языка описания». Проблема соотношения языка и мира решается ими в пользу языка [Филиппов, 2008]. «Социологи жизни» полагают, что сам объект их исследования — социальная жизнь является единственным источником достоверного знания. А потому нужно научиться методам глубинного погружения в эту жизнь, чтобы дать своему объекту «сказать что-то о самом себе». В противостоянии языка и мира они всецело на стороне мира [Воронков, 2004, с. 43–44].
2. «Книжные» социологи полагают полевой этап вторичным и лишенным всяких эпистемических прав этапом исследования [Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2010]. Ему должны предшествовать операции концептуализации и создания инструмента, а сам он буквально ничего не стоит, если не возвращается на уровень высочайшей абстракции, теоретической рефлексии [Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2013]. Напротив, радикальные эмпиристы всегда на стороне поля, собранный материал полагается источником и единственным законным основанием любой теоретической спекуляции [Левада, 2000; Гудков, 2011].
3. «Социологи текста» недвусмысленно намекают на свое происхождение от философского проекта немецкого трансцендентализма И. Канта и баденского неокантианства. Свою методологию они называют «априористской» или «трансценденталистской» [Вахштайн, 2009]. Их оппоненты либо отсылают к Витгенштейну [Волков, 2009], либо вообще не утруждают себя построением собственной философской генеалогии.

Это противостояние можно было бы отнести к разряду курьезных псевдонаучных войн, если бы не одно «но»: стремительная популяризация социологии вещей и стоящего за ней «поворота к материальному». Парадокс в том, что рецепция латуровской социологии происходит в обоих лагерях одновременно. Одни и те же аспекты творчества Б. Латура приобретают в двух версиях рецепции совер-

шенно различные трактовки. Каждый лагерь пытается перетянуть акторно-сетевую теорию на свою сторону, используя для этого нетривиальные приемы: маскировку, замалчивание, сглаживание, реинтерпретацию и переопределение наиболее вызывающих и неудобоваримых элементов латуровской концепции.

В данной статье я сосредоточусь на одной конкретной проблеме, возникающей в результате рецепции акторно-сетевой теории «книжной социологией» [Вахштайн, 2014] и связанной с заменого метафорического способа мышления метонимическим. Именно эта проблема приводит в итоге к тому, что «социология вещей» и «социология технологий», воспринимавшиеся поначалу как синонимы, оказываются по разные стороны баррикад.

От метафоры к метонимии

«Поворот к материальному» в социологической теории вот уже двадцать лет остается одной из самых обсуждаемых концептуальных инноваций. Напротив, «социология вещей», обязанная этому повороту многим, кажется уже чем-то привычным и даже приевшимся; в бесконечной череде исследований «материальных аспектов» юридического процесса, «материальных условий» медицинской практики, «материальности» производства знания революционный запал ранних работ STS-направления был окончательно утрачен. В условиях такого кризиса жанра мы наблюдаем естественный отход от изначально манифестированных в «повороте к материальному» императивов [Latour, 1988; Law, 1986; Callon, 1986]. Социология вещей окончательно избавляется от своего бунтарского имиджа.

Эта тенденция особенно хорошо заметна на примере отношения к работам Б. Латура, М. Каллона и Дж. Ло, трех отцов-основателей акторно-сетевой теории. Уже в 1999 году они отреклись от своего детища и заявили о «завершении проекта ACT» [Actor-Network Theory, 1999]. (Впрочем, Латур потом передумал и даже написал учебник по акторно-сетевой теории [Латур, 2014].) Последние несколько лет два главных российских пропагандиста ACT — В. Вахштайн и О. Хархордин — резко снизили обороты своих публикаций о латурианской ревизии социологии. Если раньше один из них видел в акторно-сетевой теории ресурс развития собственной версии теории фреймов [Вахштайн, 2007], а второй — теории практик [Волков, Хархордин, 2008], [Хархордин, 2006] то сегодня оба, кажется, потеряли интерес к переопределению социального, а, если и высказываются об ACT-проекте, то с настороженностью [Вахштайн 2012]. Более того, в своей недавней публикации Виктор Вахштайн выразил желание спасти социологию вещей от акторно-сетевой теории [Вахштайн, 2013а].

В чем же, собственно, он видит угрозу социологическим исследованиям материальности? В работах тех, кто стоял у истоков «материалистического поворота». Ведь именно акторно-сетевая теория, инспирировав рождение социологии вещей, заразила ее **опасной болезнью техноцентризма**: «Технология казалась самым значимым объектом в конце XX века — следствие не только бурного технологического развития, но и гонки вооружений, техногенных катастроф, миниатюризации изобретений etc. Чем сильнее технологии проникали в повседневную жизнь, тем очевиднее становился тезис об объект-центричной социальности, но тем менее удовлетворителен техноцентризм в самой социологии вещей. Нам нужен иной теоретический язык для описания материального объекта в социальном мире; язык, который не переносил бы скрытым образом на все материальные объекты те свойства, которые изначально приписывались лабораторному оборудованию, оружию массового поражения, транспортным средствам и иным достижениям научно-технического прогресса» [Вахштайн, 2013а, с. 36]. Получается, Бруно Латур, начавший с того, что обратил наше внимание на вездесущность материальных объектов, вдруг в одночасье превратился в Сатурна, пожирающего своих детей. Причем под «детьми» подразумевается социология вещей, которая должна наконец выйти из-под влияния породившей ее социологии технологий и избавиться от Эдипова комплекса техноцентризма.

По мнению В. Вахштайна, радикальная инновация акторно-сетевой теории состоит в переходе от метафорической концептуализации к метонимической: «Метафора — это мышление по формуле „X как Y“. Метонимия же предполагает именование части вместо именования целого: “X вместо Y при условии, что X — часть Y“. К примеру, когда представитель STS-направления в любом материальном объекте видит технический артефакт, он мыслит метонимически. (Потому что технические артефакты — тоже материальные объекты.) Когда социолог-конструктивист говорит: “материальный объект — это узел социальных отношений“, он мыслит метафорически (потому что социальные узлы не принадлежат классу материальных объектов). Метонимия ближе к тавтологии, метафора — к парадоксу. Аэродром на заброшенном в океане острове — это метонимический аэродром для островитян (потому что для них он является воплощением всех аэродромов мира). Но построенный на том же острове карго-аэродром — это метафора настоящего аэродрома»[1].

1 Интервью проекту «Постнаука». См. http://postnauka.ru/books/3320. Ни в одном академическом тексте автор этот тезис не обосновывает.

Традиционная социология не способна увидеть и схватить материальные объекты именно потому, что на этапе концептуализации выражает их *метафорически*, через что-то иное, через то, что само не является материальным. Это социологический эрзац материальности или, в терминах Вахштайна, карго-материальность. Чтобы стать релевантным для социологического изучения, автомобиль должен быть концептуализирован как «символ классового статуса» [Гофман, 2003]; рама картины как «метафора человеческого существования» [Зиммель, 2006], «фреймирующее сообщение» [Бейтсон, 2000], [Яноу, ван Хульст, 2011, с. 87–113]; дом аборигена — как «проекция его космогонических представлений» [Бурдье, 2001] и т. д. При этом ни один материальный объект не сделан из сообщений, проекций и символов.

Б. Латур ядовито высмеивает узость репертуара социологических метафор материальности: вещи могут предстать перед социологом исключительно в качестве инфраструктуры, инструмента или проекционного экрана. К примеру, окошко кассира «...в качестве инструмента призвано предотвращать нападения клиентов на сотрудников и не имеет никакого дополнительного назначения; оно не оказывает определяющего влияния на взаимодействие, а только облегчает или затрудняет его. Как инфраструктура, окошко неразрывно связано со стенами, перегородками и компьютерами, образуя материальный мир, полностью формирующий остальные отношения точно так же, как вафельница формирует вафлю. Как проекционный экран, то же окошко кассира лишается стекла, древесины, отверстия и всего остального — оно становится знаком, отличным от этих прозрачных панелей, барьеров, остекленного выступа, перегородок, тем самым, сигнализируя о различиях в статусе или свидетельствуя о модернизации общественной службы. Раб, господин или субстрат знака — в каждом случае сами объекты остаются невидимыми, в каждом случае они асоциальны, маргинальны и неспособны участвовать в созидании общества» [Латур, 2007, с. 85].

Вахштайн, отталкиваясь от этого латуровского пассажа, провозглашает новую эру в концептуализации материальности: «социология декодирует вещи, проблематизируя их социальные „означаемые“ и одновременно делая непроблематичными их материальные „означающие“. „Поворот к материальному“ предполагает отказ от подобной логики рассуждения — зримая и осязаемая вещь не должна в конечном итоге редуцироваться к нематериальной „социальной вещи“» [Вахштайн, 2006, с. 9]. При этом автор, кажется, не замечает расставленной Латуром ловушки: термин «актант», заимствованный акторно-сетевыми теоретиками из семиотики А.-Ж. Греймаса [Греймас, 2000], сам по себе **является метафорической концептуализацией материальности.** Это метафора — «вещь

как действующее лицо социальной драмы». Таким образом, Латур вовсе не апологет перехода от метафорической концептуализации к метонимической (хотя многие представители ACT-подхода действительно декларируют это в качестве своего достижения [Mol, 2002]), он просто старается расширить список работающих метафор. Достаточно посчитать число метафор и аллегорий в его книге «Пересборка социального» [Латур, 2014]. Там счет идет не на десятки, а на сотни. И ни одной метонимии.

Однако Вахштайн буквально пытается сделать то, что Латур лишь обещает сделать (шаг от метафоры к метонимии) и закономерным образом сталкивается с «проблемой привилегированного объекта». Если мы строим свою концептуализацию на метонимических основаниях (Y как X при условии, что X — часть Y), какой именно объект (X) теперь будет мерой всех остальных вещей? Вахштайн обнаруживает, что в социологии вещей таким привилегированным «объектом X» стала техника: «Собственно, весь теоретический пафос объект-центричной социологии сводится к утверждению простой аксиомы: мы живем в мире материальных объектов. А, следовательно, социальное можно помыслить только „вместе с вещами“. Брюно Латур и Мишель Каллон в свое время предложили тезис генерализованной симметрии — методологическое требование рассматривать субъект и объект, человека и вещь как равнозначных действующих лиц. В социологии вещей сегодня мы обнаруживаем старые нарративы — знакомые нам по фантастическим романам Айзека Азимова, Станислава Лема и Филиппа Дика — нарративы о возможности социальной жизни неодушевленных объектов. Само это направление вырастает из социологии технологий и попытки определить социальный статус техники (робота, компьютера, «умного жилища» и т. п.)...» [Вахштайн, 2013а, с. 34].

Далее Вахштайн сопоставляет два манифеста «поворота к материальному»: «Впервые (по крайней мере в новейшей истории) возник вопрос о том, а действительно ли наибольший интерес для людей представляют другие люди. Как показывают многочисленные исследования, возникающие риски — неотъемлемая часть современных человеческих отношений — связаны с объектами в не меньшей мере, чем с самими людьми» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2006].

«...После того как постструктурализм и конструктивизм распылили в воздухе все, что казалось надежным и твердым, нам пора снова обратить внимание на неопосредованное присутствие объектов, с которыми мы живем, работаем и общаемся, которым доверяем, которые любим и ненавидим, которые связывают нас настолько же, насколько мы связываем их. Это подходящий момент — после панегирика текстуальности и дискурсивности, — чтобы вновь обрести теоретическую чувствительность к жестким границам нашего

социального мира, почувствовать силу объектов, дающих нам отпор в виде дорожных пробок, аварий, информационной перегрузки, загрязнения окружающей среды или новых технологий терроризма» [Pels, Hetherington, Vandenberg, 2002].

Вахштайн обращает внимание на то, что в обоих манифестах именно сложные технологические объекты как носители новых рисков выступают от лица всех материальных вещей. Это то, что он называет «идолом технологии» (по аналогии с бэконовскими идолами, мешающими познающему субъекту адекватно видеть этот мир). «Технологии, — продолжает Вахштайн, — мыслятся в социологии вещей как своего рода „привилегированные вещи“. Даже те теоретики акторно-сетевого подхода, которых не занимает вопрос рисков, склонны описывать мир социально релевантных объектов в техноцентричных категориях: еда превращается в «food technologies», средства передвижения — в «technologies of long distance control», руки жестикулирующего человека — в «communication technologies», а протезы — в «cyborg technologies». Понятие «techno-science» (изначально довольно жестко определенное) начинает экстраполироваться на науку в целом. Происхождение социологии вещей из духа STS наложило неизгладимый отпечаток на ее теоретическую оптику. Как следствие — сторонники объект-центричного анализа распространили на все изучаемые объекты те свойства (например, способность поддерживать коммуникацию с человеком), которые ранее были жестко закреплены за сложными технологическими устройствами. В результате технологические объекты стали чем-то вроде метонимии всего материального мира в его отношении с миром социальным» [Вахштайн, 2013а, 36].

Интенция автора ясна. Вахштайн отдает предпочтение метонимии перед метафорой, но его не устраивает, что такой метонимией становятся сложные технические объекты. И если не техника, то что? Ответ Вахштайна довольно туманен: экзистенциальные объекты, входящие в «ядро» конструкции социальной жизни, например, тело, оружие, средства производства и игрушки. Достаточно странный набор метонимических объектов. Разве оружие, средства производства и современные игрушки не являются сложными техническими устройствами? Вахштайн отвечает — нет (во всяком случае мы не должны смотреть на них как на технику, а, наоборот, должны смотреть на технику и на другие вещи как на игрушки, оружие и т. д.).

Обоснование экзистенциального статуса игрушек (которым, собственно, и посвящена анализируемая статья) выглядит в повествовании автора одновременно наивно и трогательно: «Игрушка тоже экзистенциальный объект sui generis. Это ваша первая собственность, первый объект, находящийся в вашей власти. Одежда ребен-

ка ему не принадлежит. (Достаточно проанализировать реакцию родителей на малыша, перепачкавшего нарядный выходной костюм.) Даже его тело не принадлежит ему полностью, поскольку является предметом постоянных медицинских, гигиенических и педагогических интервенций (они же „технологии дисциплины“). Но за сломанную игрушку не наказывают. Более распространенная реакция: „Ну вот! У тебя была замечательная вещь! А теперь ее больше нет. Другую такую мы тебе уже не купим“. Благодаря взаимодействию с игрушками мы обнаруживаем перформативные свойства материального мира в своем повседневном опыте задолго до того, как получаем возможность говорить о них на языке научной теории» [Вахштайн, 2013а, с. 36–37].

Проблема привилегированного объекта

Откуда вообще берется проблема привилегированного объекта? Почему мы оказываемся перед необходимостью выбирать, какой именно класс объектов (технологии, игрушки или средства производства) будет выступать репрезентантом всех материальных вещей в социальном мире? Ответ следует искать в самой структуре метонимии и ее принципиальном отличии от метафоры. Куда более загадочным представляется то, что именно концепт-центричная социология, исторически тесно связанная с метафорой как механизмом концептуализации, провозгласила метонимический поворот в социальной теории (правда, ошибочно приписав его Б. Латуру).

Но действительно ли метонимия рядоположна метафоре? Если ответ «да» (как вытекает из работ лингвистов [Лакофф, Джонсон, 2004; Якобсон, 1990, с. 110–132]), то проблема привилегированного объекта принадлежит тому же классу проблем, что и так называемая «проблема Анкерсмита» [Анкерсмит, 2003]. Первая связана с работой метонимии, вторая — с работой метафоры.

Дело в том, что метафора выступает у социологов своего рода трансцендентальным элементом теоретического языка. «Если сосредоточиться исключительно на метафоре, — пишет Анкерсмит, — то первое, что надлежит отметить относительно нее, есть следующее: допустим, что мы видим одну вещь с точки зрения другой — метафора становится, по существу, эквивалентной индивидуальной (метафорической) точке зрения, с которой нас приглашают смотреть на часть исторической действительности. Например, метафора „Земля — космический корабль“ предлагает нам посмотреть на Землю с точки зрения, которая определена соотношением (используя терминологию Блэка) понятий „Земля“ и „космический корабль“. Нужно заметить далее, что эта точка зрения на метафору находится в абсолютном соответствии с главной

идеей кантианского трансцендентализма — и поэтому метафора скорее является продолжением научных когнитивных идеалов, чем оппозицией им... Трансценденталистская и метафорическая точки зрения выполняют абсолютно идентичные функции. Трансценденталистской философии свойственна метафоричность, а метафоричности свойственен трансцендентализм» [Анкерсмит, 2003, с. 47].

Таким образом, на метафору возлагаются дополнительные когнитивные обязательства. Она должна дать доступ к объекту, к которому, если верить концепт-центричным социологам, у нас доступа нет, поскольку изначально все объекты социологического познания являются «вещами в себе». «Возможно, что метафора, — продолжает Анкерсмит, — вообще есть наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Метафора „антропоморфирует" социальную, а иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими. И наконец, что является даже более важным, сама способность метафоры превращать незнакомую действительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Проникновение в истину — сущность метафоры» [Анкерсмит, 2003, с. 49].

Казалось бы, а в чем проблема? Ведь сторонники неокантианской методологии сознательно выбирают сторону, которую Анкерсмит называет «метафорической точкой зрения» [Филиппов, 2004; Филиппов, 2008]. К примеру, социальная драматургия раннег» Ирвинга Гофмана построена на метафоре «социальная жизнь как театр». Однако в более поздних работах эта метафора трансформируется в метонимию: театр — привилегированная форма социальной жизни, выражающая все характерные свойства целого наиболее полно [Вахштайн, 2003]. Сильная метафора в действительности оказывается метонимией. Отсюда проблема. Вахштайн формулирует ее следующим образом: «Метафора — в силу своей логической конструкции — есть инструмент присвоения, превращения неизвестного в известное. В формуле „X как Y" объект X — всегда неизвестен, непонятен и лишь отчасти познаваем (он принадлежит ноуменальному миру), тогда как предмет Y — уже вписан в нашу систему различений и ассоциаций. Не споря с этим тезисом, Анкерсмит наносит удар с фланга: именно то, что метафора делает возможной концептуализацию объекта (его „вписывание" в нашу систему различений), свидетельствует о неспособности метафоры служить *инструментом проблематизации* — метафора не в состоянии сделать известное не-

известным, она всегда лишь инструмент присвоения и освоения объекта» [Вахштайн, 2015].

Чтобы избавиться от заложенной в теории метафоры «пищеварительной концепции познания» (Сартр), когда мы не можем получить доступа к объекту, не переварив его предварительно в своем метафорическом языке, Анкерсмит предлагает порвать с кантовским трансцендентализмом, отказаться от метафорической точки зрения как таковой. Но для концепт-центричной социологии это очень опасный шаг. Ведь это равносильно отказу от ее основных аксиом. А потому теоретикам приходится разгадывать «загадку Анкерсмита» (как метафора может стать инструментом проблематизации?), не покидая своей трансценденталистской зоны комфорта. В частности, Вахштайн различает три метафорических слоя: метафоры самоописания объекта (идеологические), метафоры метаописания объекта (теоретические) и метафоры самоописания наблюдателя (эпистемические). Это делается для того, чтобы доказать: их неконсистентность и является источником превращения знакомого в незнакомое: «Если Ф. Р. Анкерсмит прав, то две ключевые операции исследовательского разума — проблематизация и концептуализация — противоположны друг другу. Концептуализация (основанная на метафорических механизмах мышления) есть представление „незнакомого знакомым“, вписывание объекта в существующую систему различений. Проблематизация же представляет собой механизм остранения, превращение знакомого в незнакомое. Анкерсмит утверждает, что по самой своей логической конструкции метафора не может быть инструментом проблематизации. В его логике это означало бы, что проблематизация — остранение объекта — есть некоторое вне-трансцендентальное основание познания. Мы не можем принять этот тезис: «понятность» или «непонятность» является не онтологическим свойством самого объекта, а характеристикой его отношения к нашей познавательной схеме. Рискнем предположить, что неконсистентность метафор разных порядков, прежде всего метафор само- и мета-описания объекта, и является источником такой проблематизации» [Вахштайн, 2015].

Неудовлетворительность подобного решения бросается в глаза. Как из наложения двух метафорических рядов появляется вдруг нечто по своей сути противоположное формуле «X как Y»? Минус на минус дает плюс? Метафора на метафору дает проблематизацию? Этот тезис кажется в высшей степени сомнительным. Зато теперь становится понятен интерес к метонимии.

Проблема в том, что метонимия утверждает как раз то самое вне-трансцендентальное основание познания, которого так боится концепт-центричная социология: метонимические отношения являются **онтологическими** отношениями [Якобсон, 1990]. Таким

обоазом, шаг от метафоры к метонимии — это шаг от концепт-центричной к **объект-центричной** модели исследования [Харман, 2015]. Не может быть никакой метонимической концептуализации: метонимия основывается на реальных, существующих в самом объекте связях, она предполагает, что отношение между X и Y не создается посредством постановки объекта одного рода в соответствие объекту другого рода [Блэк, 1990], а уже содержится в самих этих объектах. Следовательно, отношения метафоры и метонимии асимметричны.

Проблема привилегированного объекта в социологии вещей не является такой же логической аберрацией, как проблема Анкерсмита в эпистемологии, и решаться должна принципиально иначе. Мы теперь не имеем права спрашивать, что может выступить в качестве метонимии материальных объектов в социальном мире? Некий класс объектов либо **является** такой метонимией, либо нет. Голова не «ставится в соответствие» телу. Она либо у тела есть, либо ее нет.

Игрушки vs техника

Является ли техника действительной метонимией материальности? Можем ли мы сегодня обоснованно утверждать, что STS заразила социологию вещей техноцентризмом?

Начнем с того, что исследование технологий вовсе не было истоком ACT. Ее истоком были исследования научной практики. Из трех текстов, давших, по признанию Б. Латура [Латур, 2014], начало акторно-сетевой теории, только один — статья Джона Ло о португальских галеонах [Law, 1986; Ло, 2006] — была посвящена техническому объекту (и то в исторической ретроспективе). Два других (работа Латура о пастеризации [Latour, 1988] и текст Каллона о морских гребешках [Callon, 1986]) сфокусированы на материальности живых вещей. Возможно, технология и казалась самым значимым объектом в конце XX века, но явно не создателям акторно-сетевой теории [Вахштайн, 2006].

Поворот к технологиям в социологии научного знания, который предшествовал бурному развитию социологии вещей, произошел относительно поздно, уже в 90-е годы, и стал причиной раскола в латурианском движении. Например, Стив Вулгар, первый соавтор Латура [Latour, Woolgar, 1986], не принял латуровскую идею агентности не-человеков, оставшись в рамках куда более конвенциональной метафоры «технология как текст» [Woolgar, 1991]. Более того, по мнению Вулгара, поворот к технологиям был инспирирован не содержательными, а исключительно политическими, конъюнктурными соображениями: «Что стоит за этим поворотом от науки

к технологиям? Необходимо отметить важность таких факторов как рост государственных расходов и увеличение числа грантов на исследование социального контекста технологий (например, недавняя инициатива PICT в Великобритании[1]), эта ситуация отражает растущий спрос на «полезные» и «политически релевантные» исследования в социальных науках. Если социология научного знания (SSK) традиционно ассоциировала себя с чистой академической наукой, социальные исследования технологий (SST) во всеуслышание заявляют о своей полезности» [Woolgar, 1991, p. 21].

Современные же исследования технологий не представляют ровным счетом никакой опасности ни для поворота к материальному, ни для социологии вещей, потому что не имеют к ним отношения. В подавляющем большинстве случаев это либо исследования социального конструирования технологий (SCOT) в духе Т. Пинча и В. Бийкера [Pinch, Bijker, 1984], либо стандартная антропология техники как «технокультуры» [Material culture, 2009]. В них нет никакого техноцентризма просто потому, что подобные исследования остаются в русле традиционной исследовательской программы и оперируют не метонимиями, а метафорами. (Технокультура — как раз яркий пример эрзац-техники и карго-материальности, о которых мы говорили выше.) Так, в исследовании финского экономиста Мики Пантцара речь идет о «приручении технологий в повседневной жизни», используется яркая концептуальная метафора «Техника как (домашнее) Животное» [Pantzar, 1997].

Три наиболее известных статьи последнего времени по теме социальных исследований технологий, написанные отечественными авторами А. Кузнецовым и Л. Шайтановой о маршрутных такси [Кузнецов, Шайтанова, 2012], З. Котельниковой о противокражном оборудовании в магазинах [Котельникова, 2011] и Н. Богатырь о системах восстановления данных [Богатырь, 2012], выполнены в рамках соответственно теории справедливости (Л. Болтански, Л. Тевено), экономической социологии и антропологии техники. В каждой из этих работ технологии выступают объектом исследования, но никак не метонимией материальности. Техника в них лишена свойств агентности и перформативности.

Предположим, антропология техники и SCOT-исследования никогда не претендовали на свою причастность к социологии вещей (и всегда тщательно отделяли себя от поворота к материальному), однако

1 PICT (Программа по информационным коммуникационным технологиям) — одна из первых государственных программ по развитию ИКТ, поддержанная британским Советом по экономическим и социальным исследованиям (1987).

и в классических работах по акторно-сетевой теории мы не найдем техноцентризма. То же касается и новой классики акторно-сетевой теории — исследования «Множественное тело» Аннмари Мол. Технизация медицинской практики описана весьма детально, но не делается никакой попытки к «технологизации телесности» [Mol, 2002]. В книге Виктора Бачли «Антропология архитектуры» архитектурные объекты действуют, но никоим образом не являются техническими [Buchli, 2013]. Наконец в недавней работе Ю. Чадаги «Объятия звезд: о телесных свойствах стекла в России» — работе, которая без труда проходит тест Латура на принадлежность к сонму акторно-сетевых исследований, — сделан решающий шаг от метафорического к метонимическому способу мышления о материальности. Но метонимия, выбранная автором для понимания материальности стекла, — это не техника, а, как ни странно, игрушка: «Предметы из стекла как копии других вещей (самовара и т. д.) — это „предметы второго порядка", в эту категорию Вахштайн включает игрушки вообще. С игрушками стеклянные «безделушки» объединяет их неподчиненность производственной необходимости, которая ставит утилитарное выше эстетического, и то, что они преодолевают свою неодушевленность умением петь — непосредственно связанным со свойствами материала, из которого они сделаны» [Чадага, 2013, с. 124].

Не стоит ли теперь предостеречь социологов вещей от «игрушкоцентризма»?

Единственная опубликованная за последние несколько лет работа, где действительно прослеживаются все признаки метонимического техноцентризма в исследованиях материальности, — это работа самого Вахштайна о влиянии изобретения лифта на архитектурную логику Манхэттена. Разбирая манифест Рэма Кулхаса о небоскребах Нью-Йорка [Колхас, 2013], Вахштайн доказывает, что описанные Кулхасом архитектурные феномены (которые тот называет «решетка», «схизма» и «лоботомия») в действительности являются феноменами технического порядка. Оперируя латуровской теорией расцепления, он показывает, как технический объект (лифт) становится метонимией архитектурного объекта (небоскреба). После изобретения лифта строение больше не воспринимается как консистентное и внутренне (логически, композиционно) связное целое. Появляется новая логика здания: «...логика, не имеющая достаточных оснований в чистом урбанистическом ego. Это логика технологии» [Вахштайн, 2013b, с. 172]. Как такой способ работы сочетается с декларируемым страхом техноцентризма? И почему бы не посмотреть на лифт не как на технологический device, бросающий вызов урбанистическому ego, а как, например, на игрушку?

В завершение я хотела бы подчеркнуть свой исходный тезис: техноцентризм (или как предпочитает называть его Бруно Латур

«техноморфизм» [Латур, 2014, с. 221]) — это не проблема, а решение. Теоретики материальности, верно диагностировав болезнь, перепутали симптомы и лекарство. Мышление о материальных объектах по аналогии с техническими удерживает нас от возвращения к метафорическому способу анализа материальности (в котором технология подменяется технокультурой, текстом или релевантными группами, а материальные объекты — объектами социологии).

Метонимический техноцентризм возвращает нас к нарушенным обещаниям акторно-сетевой теории — к попытке выйти из замкнутого круга метафорического мышления.

Библиография

Анкерсмит Ф.Р. (2003) *История и тропология: взлет и падение метафоры* М.: Прогресс-Традиция.

Бейтсон Г. (2000) *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии*. М.: Смысл.

Блэк М. (1990) Метафора. *Теория метафоры*. М.: Просвещение.

Богатырь Н.В. (2012) Роль пользовательских сообществ в создании и распространении технологических инноваций. *Этнографическое обозрение*, 3.

Бурдье П. (2001) Практический смысл, СПб: Алетейя.

Вахштайн В.С. (2003) Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: структуралистское прочтение. *Социологическое обозрение*, 3 (4).

Вахштайн В.С. (2006) Джон Ло: социология между семиотикой и топологией. *Социологическое обозрение*, 5 (1).

Вахштайн В.С. (2007) *Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира.* Дисс... канд. социол.наук, М.: ГУ ВШЭ.

Вахштайн В.С. (2009) Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности. *Социологическое обозрение*, 8 (1).

Вахштайн В.С. (2012) Пять книг о посткритической социологии. *Социология власти*, 6–7.

Вахштайн В.С. (2013a) К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция. *Логос*, 2 (92).

Вахштайн В.С. (2013b) Рецензия на книгу Колхас Р. «Нью-Йорк вне себя». *Социология власти*, 3.

Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, 2.

Вахштайн В.С. (2015) Метафоры города и метафорика городских исследований: самоописание vs метаописание. *Культура и искусство,* 1.

Волков В.В. (2009) Слова и поступки. *Пути России. Картография интеллектуального пространства: школы, направления, поколения*. Под ред. М. Пугачевой и В. Вахштайна, М.: МВШСЭН.

Волков В.В., Хархордин О.В. (2009) *Теория практик*. СПб: ЕУ в СПб.

Воронков В.М. (2004) От объяснения к пониманию: в развитие дискуссии. *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 5.

Гофман Э. (2003) Символы классового статуса. *Логос*, 4–5.

Греймас А.-Ж. (2000) Размышления об актантных моделях. *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*, М.: ИГ Прогресс.

Гудков Л.Д. (2011) *Абортивная модернизация*, М.: РОССПЭН.

Кнорр-Цетина К., Брюггер У. (2006) Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках. *Социология вещей*, М.: Территория будущего.

Колхас Р. (2013) *Нью-Йорк вне себя [ретроактивный манифест Манхэттена]*, М.: Strelka Press.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2010) *Реальность образования и исследовательские реальности*, М.: Изд-во ГУ ВШЭ.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2013) *Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации*, М.: ЦСПиМ.

Котельникова З.В. (2011) Как вещи вторгаются в отношения (на примере противокражного оборудования в магазинах). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14 (4).

Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. (2012) Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости. *Социология власти*, 6–7 (1).

Лакофф Дж., Джонсон М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*, М.: Едиториал УРСС.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 6 (2).

Латур Б. (2014) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*, М.: ГУ ВШЭ.

Левада Ю. (2000) *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000-х годов*, М.: Московская школа политических исследований.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства/пер. с англ. В. Вахштайн. *Социологическое обозрение*, 1.

Филиппов А.Ф. (2004) К теории социальных событий. *Логос*, 5 (44).

Филиппов А.Ф. (2008) *Социология пространства*, СПб: Владимир Даль.

Харман Г. (2015) *Четвероякий объект*, М.: Логос.

Хархордин О. (2006) *Предисловие редактора*. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб: Изд-во ЕУ в СПб.

Чадага Ю. (2013) Объятия звезд: о телесных свойствах стекла в России. *Новое литературное обозрение*, 120 (2).

Якобсон Р. (1990) Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. *Теория метафоры*, М.: Просвещение.

Яноу Д., ван Хульст М. (2011) Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования. *Социологическое обозрение*, 10 (1–2).

Buchli V. (2013) *Anthropology of architecture*, London: Berg Publishers.

Callon M. (1986) Some elements of sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay. *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?*/J. Law (ed.), London: Routledge and Kegan Pol.

Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge: Harvard University Press.

Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory life: the construction of scientific facts*. N. J.: Princeton University Press.

Law J. (1986) On the Methods of Long Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India. *Power, Action and Belief: a new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Paul.

Law J., Hassard J. (eds) (1999) *Actor-Network Theory and After*, Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.

Mol A. (2002) *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.

Pantzar M. (1997) Domestication of Everyday Life Technology: Dynamic Views on the Social Histories of Artifacts. *Design Issues*, 13 (3).

Pels D., Hetherington K., Vandenberg F. (2002) The status of the object: performances, mediations and techniques. *Theory, Culture and Society*, 19 (5/6).

Pinch T. J., Bijker W. E. (1984) The social construction of facts and artefacts: or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*, 14 (2).

Vanini P. (ed.) (2009) *Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches*. N. Y.: Peter Lang Publishing Group.

Woolgar S. (1991) The turn to technology in social studies of science. *Science, technology and human values*, 16 (1).

References

Ankersmit F.R. (2003) *Istoriia i tropologiia: vzlet i padenie metafory [*History and Tropology. *The Rise and Fall of Metaphor]*, M.: Progress-Traditsiia.

Bateson G. (2000) *Ekologiia razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhiatrii, epistemologii [Ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry, epistemology]*, M.: Smysl.

Black M. (1990) *Metafora. Teoriia metafory [Metaphor. Theory of metaphor]*, M.: Prosveshchenie.

Bogatyr' N.V. (2012) Rol' pol'zovatel'skikh soobshchestv v sozdanii i rasprostranenii tekhnologicheskikh innovatsii [The role of user communities in the creation and dissemination of technological innovation.]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 3.

Bourdieu P. (2001) *Prakticheskii smysl [Practical Reason]*. CPb: Aleteiia.

Chadaga Iu. (2013) Ob'iatiia zvezd: o telesnykh svoistvakh stekla v Rossii [Embrace the stars: on physical properties of glass in Russia.]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 120 (2).

Filippov A.F. (2004) K teorii sotsial'nykh sobytii [The theory of social events]. *Logos*, 5 (44).

Filippov A.F. (2008) *Sotsiologiia prostranstva [Sociology of space].* SPb: Vladimir Dal'.

Goffman E. (2003) Simvoly klassovogo statusa [Symbols of Class Status]. *Logos*, 4–5.

Greimas A.-J. (2000) *Razmyshleniia ob aktantnykh modeliakh. Frantsuzskaia semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [Reflections on actant models. French semiotics from structuralism to post-structuralism].* M.: IG Progress.

Gudkov L.D. (2011) *Abortivnaia modernizatsiia [Abortive modernization],* M.: ROSSPEN.

Harman G. (2015) *Chetveroiakii ob'ekt [*The Quadruple Object*].* M.: Logos.

Jacobson R. (1990) *Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii.* Teoriia metafory [Two aspects of language and two types of aphasic disorders. Theory of metaphor], M.: Prosveshchenie.

Kharkhordin O. (2006) Predislovie redaktora [Editor's Foreword]. Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii [We Have Never Been Modern].* SPb: Izdatel'stvo EU.

Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2006) *Rynok kak ob'ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh [*The Market as an Object of Attachment*]. Sotsiologiia veshchei [Sociology of Things],* M.: Territoriia budushchego.

Kolhaas R. (2013) N'iu-Iork vne sebia [Delirious New York], M.: Strelka Press.

Konstantinovskii D.L., Vakhshtayn V.S., Kurakin D.Iu. (2010) *Real'nost' obrazovaniia i issledovatel'skie real'nosti) The reality of education and research reality],* M.: Izd-vo GU-VShE.

Konstantinovskii D.L., Vakhshtayn V.S., Kurakin D.Iu. (2013) *Real'nost' obrazovaniia. Sotsiologicheskoe issledovanie: ot metafory k interpretatsii [The reality of education. Case study: from metaphor to interpretation],* M.: TsSPiM.

Kotel'nikova Z.V. (2011) Kak veshchi vtorgaiutsia v otnosheniia (na primere protivokrazhnogo oborudovaniia v magazinakh) [How things invade the relationships (on example of antitheft equipment in stores)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology],* 14 (4).

Kuznetsov A.G., Shaitanova L.A. (2012) Marshrutnoe taksi na perekrestke rezhimov spravedlivosti [Marshrutka taxi at the crossroads of modes of justice.]. *Sotsiologiia vlasti [Sociological review],* 6–7 (1).

Lakoff J., Johnson M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by],* M.: Editorial URSS, 2004.

Latour B. (2007) Ob interob'ektivnosti [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review],* 6 (2).

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu [Reassembling the social],* M.: GU VShE.

Law J. (2006) Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review],* 1.

Levada Iu. (2000) *Ot mnenii k ponimaniiu. Sotsiologicheskie ocherki 1993–2000 godov [From opinions to understanding. Sociological Essays 1993-2000],* M.: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii.

Vakhshtayn V.S. (2003) Dramaturgicheskaia teoriia Irvinga Gofmana: strukturalistskoe prochtenie [Dramatic theory of Erving Goffman: structuralist reading]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 3 (4).

Vakhshtayn V.S. (2006) John Law: sotsiologiia mezhdu semiotikoi i topologiei [John Law: sociology in between semiotics and topology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 5 (1).

Vakhshtayn V.S. (2007) *Teoriia freimov kak instrument sotsiologicheskogo analiza povsednevnogo mira [Theory of frames as an instrument of sociological analysis of the everyday world]*. Diss ... kand. sotsiol. Nauk [PhD thesis]. M.: NSU HSE.

Vakhshtayn V.S. (2009) Mezhdu «praktikoi» i «postupkom»: nevynosimaia legkost› teorii povsednevnosti [Between «practice» and «act»: The Unbearable Lightness of theories of everyday life]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 8 (1).

Vakhshtayn V.S. (2012) Piat' knig o postkriticheskoi sotsiologii [Five books on postcritical sociology]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power]*, 6–7.

Vakhshtayn V.S. (2013a) K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, afordans, transpozitsiia [To microsociology of toys: scripts, affordance, transposition]. *Logos*, 2 (92).

Vakhshtayn V.S. (2013b) Retsenzia na knigu Kolkhaas R. N'iu-Iork vne sebia [Rem Kolhaas Delirous New York review]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power]*, 3.

Vakhshtayn V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdu iazykom i prostranstvom [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiia* vlasti [Sociology of Power], (2): 9–38.

Vakhshtayn V.S. (2015) Metafory goroda i metaforika gorodskikh issledovanii: samoopisanie vs. metaopisanie [Metaphor of city and metaphorics of urban studies: self-description vs meta description]. *Kul'tura i iskusst*vo, 1.

Volkov V.V. (2009) Slova i postupki. *Puti Rossii. Kartografiia intellektual'nogo prostranstva: shkoly, napravleniia, pokoleniia [*Words and deeds. *Ways of Russia. Mapping the intellectual space: schools, directions, generation].* M.: MSSES.

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Teoriia praktik* [Theory of practices], Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

Voronkov V.M. (2004) Ot ob'iasneniia k ponimaniiu: v razvitie diskussii [From the explanations to understand: the development debate]. *Teleskop: nabliudeniia za povsednevnoi zhizn'iu peterburzhtsev [Telescope: observation of the everyday life of St. Petersburg]*, 5.

Yanow D., Van Hulst M. (2011) Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [From Policy "Frames" to "Framing": Theorizing a More Dynamic, Political Approach]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 10 (1–2).